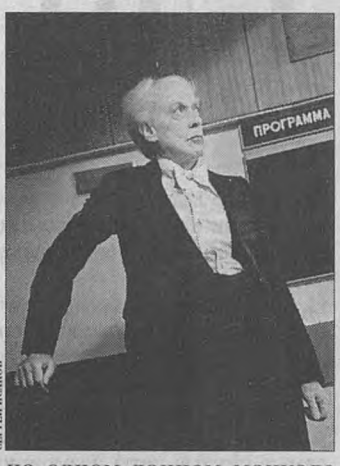
— Время МН.

Посол феи Драже

В Москве выступил Жан Гийю, органист церкви Св. Евстафия в Париже



СЕРГЕЙ ИСАКОВ

Как ни старались скомпрометировать орган в фильме «Александр Невский», у русского народа он в большом почете. Это может подтвердить наш самый маститый органист Гарри Гродберг. А на Жана Гийю в зал Чайковского была вообще почти давка. Ведь в программе, кроме всего, значились «Картинки с выставки» Мусоргского (написанные для фортепиано) и импровизации на заданные залом темы. Батюшки, да кто же это у нас импровизировал на академической сцене последний раз? Только пианист Денис Мацуев на это способен, да и то в бисах.

Жан Гийю предстал перед публикой в виде очень хрупкого и почтенного седовласого человека, словно бы спорхнувшего со страниц сказок Андерсена.

Так все его выступление и оказалось волшебным: главный органист одной из французских церквей показал, что его профессия — во всеуслышание разговаривать с Богом, причем иногда даже на темы весьма фривольные.

А надо сказать, что орган — это вам не фортепиано какое-нибудь. Органы все разные. В зале Чайковского, например, четыре мануала, иными словами, клавиатуры (а в других может быть и два, и три, и пять; в фильме «Александр Невский», как вы помните, один, но какой же гнусный!). С переключением регистров — а это несчетное количество либо штырей с деревянной шляпкой, которые надо выдергивать и затыкать обратно, либо особых клавиш вроде бытовых выключателей — мануалы совершенно меняют звучание.

Гийю, игравший без ассистента, обычно и производящего все эти звукорегулирующие операции по отметкам в нотах, все делал сам. И, бывало, доигрывая тему левой рукой на одном мануале, правой, быстро-быстро, управлялся с переключением регистров. Или наоборот.

Прибавьте еще одну органную сложность — педаль. Тоже не фортепианную. У органа педали представляют собой практически такую же клавиатуру, только гигантскую, ножную, по которой очень быстро иногда играется тема фуги в басу. Органисты очень долго подбирают обувь — чтобы подметка не слишком скользила, но и не застревала бы на деревянных педалях.

В зале Чайковского, в отличие от Большого зала консерватории, органист сидит так, что видны и ноги, и рукию. Гийю — это, конечно, было еще и зрелище! А в зале — и сам Гродберг, и дирижер Владимир Федосеев, и органисты Александр и Викентий Майкапары...

В первом отделении сольминорный Концерт Генделя мог бы навести советского слушателя на мысль, что у Гийю не все в порядке с ритмом. Однако, зная особенности западных штатных церковных органистов, скажем, что они не придают ему большого значения. И видят выуживание божественных материй из космоса в звуковом богатстве (путем изменения регистровки). В особом сосредоточении на логике автора — ведь на одном данном мануале невозможно ни увеличение, ни уменьшение звука.

Гийю — первоклассный мастер регистровки. Оттого он и взял в программу рисковые «Картинки с выставки» Мусоргского в собственном переложении. Ну, конечно, «Балет невылупившихся птенцов» и «Баба-яга» на «вязнущем» органе не очень-то получатся. Да и суматошный «Лиможский рынок» напоминал скорее пьесу великого современного композитора Мессиана. Как и колокольный звон в «Богатырских воротах».

Зато все «Прогулки» (одна и та же тема между разными «Картинками») были совершенно разные — на рояле этого не достигнуть. И совершенно невероятно звучали мистические части «Картинок» — например, «Старый замок», не говоря уже о «Катакомбах», которым предпослан эпиграф «С мертвыми на мертвом языке».

Цикл Мусоргского в исполнении Гийю оказался будто антиматерией в материальном мире. Ведь пианисту очень трудно сыграть его так, чтобы это была не развлекаловка на дневном концерте для детей, а скорбь композитора по умершему художнику Гартману и молитва за всех от жития сего отшедших.

В концерт вклинилась довольно нежная певица Наталья Краутер — исполняла арии Баха и Генделя. Возможно, если бы этот дуэт звучал с невидимых высот церкви Св. Евстафия, какой-нибудь ребеночек принял бы ее голосок за ангельский.

И вот наконец по записочкам из зала Гийю стал выбирать темы для импровизации. Выбрал три: одну какую-то заковыристую веселенькую, «Мелодию» Чайковского и «Подмосковные вечера», причем последние были написаны с ошибкой. Ошибку эту, дабы его не заподозрили в подтасовке, Гийю в импровизации все время повторял. Особенно смешно было, когда «Подмосковные вечера» бодро пошли в басу на педалях, в то время как по мануалам гуляла разгильдяйская первая тема, в которую время от времени густой слезой стекал эвергрин Чайковского.

После такого неслыханного номера в зале начался ор, повлекший за собой бисы. И не какие-нибудь, а все — с любовью к нам. «Танец феи Драже» из «Щелкунчика». Марш Прокофьева из «Любви к трем апельсинам» — это же надо было такое придумать! А закончилось все какой-то мощнейшей старой классикой (возможно, это был Вивальди), где Гийю подарил нам, кажется, звучание всех девяти тысяч труб самого большого органа России.

НАТАЛЬЯ ЗИМЯНИНА